

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ¹

Постановление от 13 декабря 2016 года № 28-П/2016

Пункт 3.1, абз. 5, 6:

[...] правовое регулирование позволяет взыскивать в пользу лица, чье исключительное право на объект интеллектуальной собственности было нарушено, компенсацию в размере, который может и превышать размер фактически причиненных ему убытков. Допущение законом такой возможности – тем более принимая во внимание затруднительность определения размера убытков в каждом конкретном случае правонарушения – нельзя признать мерой, несовместимой с основными началами гражданского законодательства [...]

Вводя штрафную по своей природе ответственность за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, федеральный законодатель не только учитывал объективные трудности в оценке причиненных правообладателю убытков, но и руководствовался необходимостью – в контексте правовой политики государства по охране интеллектуальной собственности – общей превенции соответствующих правонарушений. Наряду с мерами публично-правовой ответственности, предусмотренными уголовным законодательством и законодательством об административных правонарушениях, предоставление частным лицам – правообладателям возможности требовать взыскания с правонарушителей компенсации за незаконное использование исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, размер которой может превышать размер понесенных ими убытков, имеет целью реализацию предписаний статьи 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации и выполнение Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств.

Пункт 4.2, абз. 4:

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Отступление от требований справедливости, равенства и соразмерности при взыскании с индивидуального предпринимателя компенсации в пределах, установленных подпунктом 1 статьи 1301, подпунктом 1 статьи 1311 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с абзацем третьим пункта 3 статьи 1252 данного Кодекса, за нарушение одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации может иметь место, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам даже с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при том что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер (например, если продавцу не было заведомо известно о контрафактном характере реализуемой им продукции). Кроме того, отсутствие у суда, столкнувшегося с необходимостью применения на основании прямого указания закона санкции, являющейся – с учетом обстоятельств конкретного дела – явно несправедливой и несоразмерной допущенному нарушению, возможности снизить ее размер ниже установленного законом предела подрывает доверие граждан как к закону, так и к суду.

Постановление от 13 февраля 2018 года № 8-П/2018

Пункт 5, абз. 7:

Действия правообладателя, недобросовестно использующего – в нарушение требований Конституции Российской Федерации и основных

начал гражданского законодательства – механизм национального (регионального) исчерпания исключительного права на товарный знак, в частности ограничивающего ввоз на внутренний рынок Российской Федерации конкретных товаров или реализующего ценовую политику, состоящую в завышении цен на российском рынке по сравнению с другими рынками в большей степени, чем это характерно для обычной экономической деятельности и для удовлетворения разумного экономического интереса правообладателя, не могут расцениваться как одобряемые с точки зрения защиты конституционно значимых ценностей, если такие действия приводят к ограничению доступа российских потребителей к соответствующим товарам, прежде всего тем, наличие которых на внутреннем рынке является жизненно важной необходимостью (например, отдельные категории лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т.д.). [...]

Пункт 6, абз. 9, 10:

[...] поскольку подпункт 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации прямо предписывает суду определять размер компенсации, на выплату которой вправе рассчитывать обладатель исключительного права на товарный знак, по собственному усмотрению исходя из характера правонарушения, предполагается, что ее конкретный размер должен устанавливаться с учетом того, что при параллельном импорте понесенные правообладателем убытки, по общему правилу, не столь велики, как при ввозе поддельных товаров, маркированных принадлежащим ему товарным знаком.

[...] при применении положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации отсутствуют конституционно-правовые основания для назначения таких мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, как изъятие из оборота и уничтожение товаров, ранее введенных правообладателем в гражданский оборот на территории другого государства

и ввезенных на территорию России без его согласия (параллельный импорт), – в отличие от последствий ввоза поддельных товаров, изъятие и уничтожение которых может не производиться лишь в порядке исключения (если введение таких товаров в оборот продиктовано необходимостью защиты общественно значимых интересов). Это означает, что товары, ввезенные на территорию России в порядке параллельного импорта, могут быть изъяты из оборота и уничтожены лишь в случае установления их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, что, однако, не исключает применение иных последствий нарушения исключительного права на товарный знак с учетом содержащегося в данном Постановлении конституционно-правового истолкования положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Постановление от 3 июля 2018 года № 28-П/2018

Пункт 3, абз. 5:

[государственная регистрация перехода исключительного права на товарный знак в случае универсального правопреемства при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу] – в отличие от государственной регистрации вновь вводимых в оборот товарных знаков – носит правоподтверждающий, а не правообразующий характер и, будучи формальным условием обеспечения государственной, в том числе судебной, защиты права, не затрагивает самого его содержания и призвана лишь удостоверить со стороны государства принадлежность данного права определенному лицу.

Пункт 4.1, абз. 2:

[...] Вытекающая из [пункта 2 статьи 8¹ ГК Российской Федерации, устанавливающей общие положения о государственной регистрации прав на имущество,] возможность возникновения, изменения или прекращения права

в установленных законом случаях – независимо от того, была ли произведена его государственная регистрация, – может иметь место и при переходе исключительного права на товарный знак. [...]

Пункт 4.2, абз. 1:

[...] из пункта 6 статьи 1232 ГК Российской Федерации в системном единстве с пунктом 4 статьи 57 и пунктом 2 статьи 58 данного Кодекса следует, что при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу исключительное право на товарный знак переходит к правопреемнику и подлежит защите с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица, притом что реализация правомочий, составляющих содержание данного права в полном объеме, возможна только при условии государственной регистрации его состоявшегося перехода. При этом не является препятствием для государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак то обстоятельство, что присоединяемое в процессе реорганизации юридическое лицо ранее переход к нему данного права не зарегистрировало. Если же лицо, к которому переходит исключительное право на товарный знак, не обратилось за государственной регистрацией перехода данного права после завершения реорганизации, то риск возможных неблагоприятных последствий для взаимоотношений с третьими лицами лежит на нем как на правообладателе.

Пункт 4.2, абз. 2:

Поскольку, по общему правилу, лицо, которому принадлежит имущество, несет бремя его содержания, охватывающее, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, и государственную регистрацию права на такое имущество его обладателем (Постановление от 22 июня 2017 года № 16-П), требования справедливости, а также разумности и добросовестности при осуществлении гражданских прав предполагают, что аналогичное бремя должно нести и лицо, которому принадлежат

имущественные права на иные, помимо вещей, объекты гражданских прав.
[...]

Пункт 5, абз. 5:

[...] пункт 6 статьи 1232 ГК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает – применительно к случаям перехода исключительного права на товарный знак при реорганизации юридических лиц в форме присоединения юридического лица к другому юридическому лицу – рассмотрение федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатентом) вопроса о государственной регистрации перехода исключительного права на товарный знак одновременно с вопросом о продлении срока действия данного права по обращению обладателя исключительного права на товарный знак, что не отменяет уплату пошлины, если она предусмотрена законом, за каждое из совершаемых уполномоченным органом юридически значимых действий.

Определение от 19 сентября 2019 года № 2145-О/2019

Пункт 3.3, абз. 2:

[Положения пункта 1 статьи 1508, пункта 3 статьи 1512 и пункта 2 статьи 1514 ГК Российской Федерации] исключают признание в качестве общеизвестного товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) хотя и отвечавшего ранее признакам общеизвестного товарного знака, но переставшего им соответствовать на момент подачи его правообладателем заявления о признании данного товарного знака (обозначения) общеизвестным.

Определение от 18 июня 2020 года № 1345-О/2020

Пункт 2.3:

[...] при условии что аудиовизуальное произведение (его части) и вошедшее в него произведение изобразительного искусства имеют

самостоятельную объективную форму, одновременное их признание объектами интеллектуальной собственности само по себе не может расцениваться как нарушающее какие-либо конституционные права.

Пункт 3, абз. 2:

[...] при предъявлении требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права именно истцу необходимо указать, право на какой объект интеллектуальной собственности он считает нарушенным. [...]

Постановление от 24 июля 2020 года № 40-П/2020

Пункт 3, абз. 1:

[...] компенсация [за нарушение исключительного права] может взыскиваться и сверх убытков, но лишь при наличии таковых. [...]

Пункт 4.2, абз. 2:

Сформулированные в [...] Постановлении [от 13 декабря 2016 года № 28-П] правовые позиции имеют общий (универсальный) характер в том смысле, что должны учитываться не только при применении тех же самых норм Гражданского кодекса Российской Федерации, которые стали непосредственным предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации, и лишь в контексте идентичных обстоятельств дела, но и в аналогичных ситуациях.

Пункт 5, абз. 2:

[...] отсутствие у суда правомочия – при наличии побуждающих к тому обстоятельств – снизить размер компенсации, исчисленной указанным образом [на основании подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации], в условиях правовой неопределенности может привести, вопреки конституционным требованиям справедливости и равенства, к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции ущерба, причиненному правообладателю, и тем самым к нарушению баланса их прав и

законных интересов, которые защищены статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации [...].

Постановление от 28 октября 2021 года № 46-П/2021

Пункт 4.1, абз. 5:

[...] снижение арбитражным судом размера компенсации за нарушение исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, когда требование о выплате такой компенсации было заявлено правообладателем в минимальном размере, предусмотренном нормами Гражданского кодекса Российской Федерации для соответствующего нарушения, не может – по своим отличительным юридическим параметрам – приравниваться к частичному удовлетворению исковых требований. Принятие соответствующего судебного акта фактически означает доказанность нарушения исключительных прав правообладателя, а снижение размера подлежащей выплате компенсации обуславливается не неправомерностью (чрезмерностью) заявленного им ее минимального размера, а наличием оснований для использования особого правомочия арбитражного суда, обусловленных не избыточностью исковых требований, а необходимостью – с учетом обстоятельств конкретного дела и личности нарушителя – соблюдения конституционных принципов справедливости, равенства и соразмерности при применении данной штрафной санкции, выполняющей, наряду с защитой частных интересов правообладателя, публичную функцию превенции (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 года № 28-П).

Постановление от 16 июня 2022 года № 25-П/2022

Пункт 4, абз. 2:

[...] авторские права [автора программы для ЭВМ как составного произведения] возникают с [...] момента [создания данной программы в объективной форме в качестве результата творческого труда] и тогда, когда

при создании программы для ЭВМ как составного произведения ее автором не были соблюдены права авторов (правообладателей) использованных для ее создания объектов (программ для ЭВМ), в частности не было получено их согласие на такое использование этих объектов.

Пункт 4, абз. 7, 8:

[...] отказ суда [...] в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ как составного произведения [на том основании, что сам истец не вправе ее использовать, поскольку им не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) использованных при создании программы произведений] не может быть оправдан одной только целью пресечения нарушений прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных при создании указанной программы для ЭВМ [...].

[...] защита авторских прав только при условии получения согласия авторов (правообладателей) использованных объектов (программ для ЭВМ) на использование их в составном произведении ставит – в отсутствие конституционно оправданной цели – реализацию закрепленных Конституцией Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод автора программы для ЭВМ, являющейся составным произведением, в зависимость от волеизъявления третьих лиц. [...]

[Постановление от 28 марта 2023 года № 10-П/2023](#)

Пункт 5.1, абз. 4:

[...] при рассмотрении инициированного работодателем и (или) автором обращения в суд с требованием о рассмотрении разногласий, возникших при заключении договора, по вопросу о размере и иных условиях выплаты вознаграждения автору служебного объекта патентных прав, а также с требованием о понуждении заключить такой договор суд не может быть связан положениями Правил 2014 года или Правил 2020 года, предписывающими исчисление размеров вознаграждения исключительно исходя из средней заработной платы работника, в части определения

конкретного размера вознаграждения, а также порядка или сроков его выплаты. При определении условий такого договора суд обязан учитывать фактические обстоятельства, сопутствующие созданию и использованию соответствующего объекта патентных прав.

Постановление от 14 декабря 2023 года №57-П/2023

Пункт 3.5, абз. 6:

[суд] может отказать в применении мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак полностью или частично в тех случаях, когда вследствие недобросовестности поведения правообладателей с учетом выстраиваемой ими модели использования товарных знаков, сходных до степени смешения, предъявление требований о применении таких мер используется исключительно как способ обогащения, в том числе при последовательном обращении с соответствующими исками в связи с вызванным использованием одного обозначения нарушением исключительных прав аффилированных лиц, а тем более при наличии между ними либо в отношениях одного третьего лица с ними степени влияния в форме контроля.

Пункт 5, абз. 2:

[...] в случае взыскания компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя в связи с размещением на товарах того же обозначения была взыскана компенсация за нарушение исключительного права на сходный до степени смешения товарный знак, рассчитанная в двукратном размере стоимости тех же товаров, должна быть обеспечена (в том числе при аффилированности правообладателей) возможность снижения ее размера с учетом характера нарушения, а также иных обстоятельств такого дела и в соответствии с требованиями разумности и справедливости, при условии, что размер подлежащей выплате компенсации превышает размер

причиненных правообладателю убытков (притом что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности).

Постановление от 25 июня 2024 года №33-П/2024

Пункт 3.2, абз. 1:

Если [...] размещение произведения в общедоступном месте [например, в открытой городской среде (в отличие от музейной или другой подобной экспозиции)] не является разовым или временным, а носит постоянный характер, то применимость к использованию изображений этого произведения для целей информирования граждан (в информационно-справочных материалах) ограничений, предусмотренных пунктом 1 статьи 1276 ГК Российской Федерации, может быть поставлена под сомнение ввиду потенциального нарушения баланса частных и публичных интересов вопреки разумным ожиданиям участников оборота [...].

Постановление от 12 марта 2026 года № 13-П/2026

Пункт 10.2, абз. 11:

[...] целью предоставления принудительной лицензии является преодоление последствий такого поведения патентообладателя, от которого либо в силу его недобросовестности, либо в силу его пассивности, либо в сложившихся объективных обстоятельствах при определенном субъективном отношении к ним патентообладателя (т.е. когда его поведение, формально не обладающее признаками недобросовестного, фактически приобретает свойства такового) страдает общество – в лице людей, чья жизнь зависит от осуществления правообладателем его прав. Даже при готовности патентообладателя поставлять запатентованный товар, нехватка которого на российском рынке может нанести подобный ущерб обществу, дополнительно в объеме имеющегося спроса, но только по установленной им чрезвычайно высокой цене – при наличии на рынке аналогичных по свойствам и качеству товаров с существенно более низкой ценой и при отсутствии возможности

удовлетворить общественный интерес иначе, нежели путем обеспечения широкого доступа потребителей именно к данному или к аналогичным товарам, – такое поведение патентообладателя может расцениваться как недостаточное использование запатентованного объекта интеллектуальных прав и влечь предоставление судом принудительной лицензии.